

Поэтические страницы

Связанные судьбы

Ахматова, Чуковская, Бродский.
Судьбы их связаны, жизненные
дороги сплетены – пересекались,
расходились, уходили навек в разные сто-
роны жизненного пространства, но точки
пересечения остались в памяти навсегда.
Не только в их памяти – в нашей!

Лидия Корнеевна Чуковская стала великим – я не преувеличиваю – великим биографом Анны Ахматовой, потому что настоящий подвиг – суметь записать *всё*. Для этого надо... перестать жить. Лидия Корнеевна признавалась в «Дневниках», что, видимо, нет никакого выбора: либо жить, либо писать. Выбор сделала – писать. Выбор в пользу литературы, а вышло – в пользу жизни. В нашу с вами пользу.

Помню, как зачитывались мы по ночам ее «Записками об Анне Ахматовой». Тайком читали – издание-то Париж, ИМКА-Пресс – запрещенное, *тамиздат*. В наш дом «Записки» попали через недавно ушедшую из жизни Жозефину Оскаровну Хавкину, которая на протяжении многих лет была литературным секретарем Лидии Корнеевны. Фина, как ее звали друзья, рискуя давала читать «Записки»: за распространение запрещенной литературы полагался срок. Как биография поэта может быть опасной крამолой, подрывающей основы одного из сильнейших государств мира, наверное, нелегко объяснить молодежи. К счастью, нелегко! В том-то и дело, что из «Записок» встает облик всей эпохи, и человек, их прочитавший, уже никогда – ни-ког-да! – не выберет Сталина своим идеальным героем.

Бродский много говорил о том нравственном влиянии, которое в молодые годы оказала на него Ахматова. Когда началась борьба государства с «тунеядцем» Бродским, Ахматова произнесла свою знаменитую фразу: «Какую биографию делают нашему рыжему!» Фраза эта без записей Чуковской, которая выступала в защиту поэта, вряд ли бы сохранилась.

Лидия Корнеевна всю жизнь страстно любила поэзию. Она писала стихи, но, критически относясь к себе, книг долго не издавала, да и невозможно это было до перестроечных времен. А стихи-то были хорошие, честные, с болью. Помню, когда вышла первая ее поэтическая книга, Фина мне сказала: «Понравилось вам? Так вы отзовитесь, позвоните ей, скажите слова». Я не позвонила. Казалось, не по чину мне отзываться о стихах такого известного литератора. Я тогда не знала, как нуждалась она в простом читательском отклике на свои стихи, как, в сущности, была неуверенна и ранима. Она-то для меня нашла и время и слова! Вообще при всей занятости она всегда читала переданные ей книги и откликнулась, отзывалась их авторам и устно, и – очень часто! – письменно.

Думаю, своего соседства в одной рубрике с Ахматовой и Бродским она бы не одобрила. Может, даже рассердилась бы. Но мы решились: пусть эти много значившие друг для друга люди еще раз сойдутся вместе.

Пишу, а в голове все время вертится строчка Тютчева: «Вот тот мир, где жили мы с тобою...»

Наталья Ванханен

Анна Ахматова

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать –

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929

Творчество

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

1936. Фонтанный Дом

Данте

Il mio bel San Giovanni.

Dante¹

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянувшись,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятие,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, –
Но босой, в рубаше покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

1936

Стансы

Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной недели...
Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь?

В Кремле не надо жить, Преображенец прав,
Здесь зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь – взамен народных прав.

1940

Пушкин

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

1943

¹ *Мой прекрасный святой Иоанн. Данте (итал.). – Ред.*

Иосиф Бродский*Шесть лет спустя*

Так долго вместе прожили, что вновь
второе января пришлось на вторник,
что удивленно поднятая бровь,
как со стекла автомобиля – дворник,
с лица сгоняла смутную печаль,
незамутненной оставляя даль.

Так долго вместе прожили, что снег
коль выпадет, то думалось – навеки,
что, дабы не зажмуривать ей век,
я прикрывал ладонью их, и веки,
не веря, что их пробуют спасти,
метались там, как бабочки в горсти.

Так чужды были всякой новизне,
что тесные объятия во сне
бесчестили любой психоанализ;
что губы, припадавшие к плечу,
с моими, задувавшими свечу,
не видя дел иных, соединялись.

Так долго вместе прожили, что роз
семейство на обшарпанных обоях
сменилось целой рощей берез,
и деньги появились у обоих,
и тридцать дней над морем, языкат,
грозил пожаром Турции закат.

Так долго вместе прожили без книг,
без мебели, без утвари, на старом
диванчике, что – прежде, чем возник –
был треугольник перпендикуляром,
восставленным знакомыми стоймя
над слившимися точками двумя.

Так долго вместе прожили мы с ней,
что сделали из собственных теней
мы дверь себе – работаешь ли, спишь ли,
но створки не распахивались врозь,
и мы прошли их, видимо, насквозь
и черным ходом в будущее вышли.

1968

Стансы

Е.В., А.Д.

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму,
и апрельская морось,
над затылком снежок,
и услышу я голос:
– до свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой,
– словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

1962

* * *

Что касается звезд, то они всегда.
То есть, если одна, то за ней другая.
Только так отсюда и можно смотреть сюда;
вечером, после восьми, мигая.
Небо выглядит лучше без них. Хотя
освоение космоса лучше, если
с ними. Но именно не сходя
с места, на голой веранде, в кресле.
Как сказал, половину лица в тени
пряча, пилот одного снаряда,
жизни, видимо, нету нигде, и ни
на одной из них не удержишь взгляда.

1975

На столетие Анны Ахматовой

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос –
Бог сохраняет всё; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.

В них бьется рваный пульс, в них слышен
костный хруст,
и заступ в них стучит. Ровны и глуховаты,
затем что жизнь – одна, они из смертных уст
звучат отчетливей, чем из надмирной ваты.

Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, – тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной.

1989

Лидия Чуковская

*Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.*

Анна Ахматова

Среди площадной и растленной –
Из всех рупоров, наизусть!..
Ты вправду бываешь надменной,
Лишенная голоса грусть.
Беззвучна – а громче салюта.
Ты жизнь обняла, как вода, –
Глубокой печали минута,
Пока я жива – навсегда.

1945

* * *

Какую я очередь выстояла –
Припомнить и то тяжело,
Какой холодиной неистовою
Мне бедные руки свело.
Какими пустынными стонами
Сквозь шум городской он пророс,
Далекими, смутно-знакомыми, –
Бензином пропахший мороз!
Какие там мысли обронены
И ветром гудят в проводах.
Какие там судьбы схоронены
В широких безмолвных снегах.

1947

* * *

...Опять чужая слава
Стучит в окно и манит на простор.
И затевает важный, величавый,
А в сущности базарный разговор.
Мне с вашей славой не пристало знать.
Ее замашки мне не по нутру.
Мне б на твое молчанье отозваться,
Мой дальний брат, мой неизвестный друг.
Величественных строк коммунизма
Строитель жалкий, отщепенец, раб,
Тобою власть натешилась отчизна, –
Мой дальний друг, мой неизвестный брат!
Я для тебя вынашиваю слово.
День ото дня седеет голова.
Губами шевелю – и снова, снова
Жгут губы мне, не прозвучав, слова.

1953